

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра общего литературоведения и журналистики

**«Классическая литература в осмыслении русской эмиграции третьей
волны: А. Синявский, П. Вайль – А. Генис, С. Довлатов»**

АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ

студента 2 курса 251 группы

направления 45.04.01 «Филология» (профиль «Русская словесность и
журналистика»)

Института филологии и журналистики

Веревина Михаила Михайловича

Научный руководитель

проф., д. филол. н., проф.

Е.Г. Елина

Зав. кафедрой

д. филол. н., профессор

В.В. Прозоров

Саратов

2024

ВВЕДЕНИЕ. Первая волна русской эмиграции создала множество возможностей для публикации в будущем не только художественной литературы, но и литературной критики, основав полноценный издательский фундамент в западных странах. Именно благодаря этому на страницах различных журналов и в редакциях газет позже стали работать выдающиеся русские литераторы, эмигранты третьей волны: А. Синявский, Р. Гуль, П. Вайль, А. Генис, С. Довлатов и многие другие.

Одним из общих предметов для осмысления всеми эмигрантами, конечно, стала отечественная классика, её интерпретация и влияние. Именно это явление формирует **объект** нашего исследования. По справедливому заявлению Т.Г. Петровой: «Важнейшей чертой художественной культуры русского зарубежья стало ее самоопределение по отношению к личности и творчеству Пушкина»¹.

Особенно в этом ракурсе рассмотрения стал популярным А. Синявский, известный также как А. Терц, с книгой «Прогулки с Пушкиным», вызвавшей сильный резонанс не только в эмиграции, но и в советской России. По мнению Т.Э. Ратькиной, самой известной критической реакцией на книгу Синявского-Терца стала статья Р. Гуля «Прогулки хама с Пушкиным». Обозревая негативные оценки книги «Прогулки с Пушкиным», Т.Э. Ратькина называет основной принцип их построения: «В книге, действительно, немало хлестких, неакадемичных слов и фраз, которые в произведении о Пушкине могут показаться неуместными, – особенно если вырвать их из контекста и снабдить соответствующим комментарием»².

Несмотря на огромное количество негативных реакций на книгу, нашлись и те, кто, так или иначе, разделяет точку зрения А. Синявского. Ими оказались литераторы, дружественно относившиеся к Синявскому-Терцу и схожие с ним в эстетических принципах. Конечно, в плотную связь с автором «Прогулок...»

¹ Петрова, Т.Г. «Родина последняя, всё, чем россия была и чем она будет»: Русская классика в рецепции литературной критики эмиграции/ Русское зарубежье. – М., 2017. – №6. С. 105.

² Ратькина, Т.Э. Никому не задолжав. – М., 2010. – С. 108

вступают П. Вайль, А. Генис и С. Довлатов. Между литераторами складываются прочные дружеские отношения. Позитивные и временами шуточные упоминания друг о друге появляются в выступлениях и публикациях всех авторов, а П. Вайль и А. Генис и вовсе долгое время работают в дуэте как литературные критики и публицисты.

Естественно, что для группы литераторов, объединённой дружескими узами, характерно наличие общих художественных ценностей, творческих идей. В разное время у всех авторов можно заметить ряд текстов, направленных на осмысление и интерпретацию произведений русской классической литературы. Очевидно, что первым в этих размышлениях участвовал А. Синявский, который начинал свой путь советского литературного критика со статьи «Основные принципы эстетики В.В. Маяковского». Несмотря на разницу в объёме размышлений и выбранных авторов, тема рефлексии занимает важное место в творчестве и С. Довлатова, и П. Вайля, и А. Гениса, и А. Синявского.

Стоит заметить, что обращение к классическим текстам литературы, – характерное явление для писателей. Цитирования, аллюзии, переосмысления сюжетов – всё это хоть и кажется типичными признаками постмодернистской литературы, но на самом деле является неотъемлемой частью культуры в целом. Однако примечательно и то, что упомянутые авторы в своих произведениях переосмысливают русскую классическую литературу не только как читатели или писатели, но и как филологи. Так, **предметом** нашего исследования становится осмысление А. Синявским, С. Довлатовым, а также тандемом П. Вайля и А. Гениса отечественной классики.

Цель работы состоит в том, чтобы изучить отличия и сходства в особенностях интерпретации литературной классики обозначенным кругом авторов (А. Генис, П. Вайль, С. Довлатов, А. Синявский). Отметим, что под определением «классическая литература» в работе понимаются не только наследие авторов XVIII–XIX веков, но и наследие многих ключевых писателей XX века. В свою очередь, такой подход расширяет спектр выбранных произведений для анализа и интерпретации.

Для достижения поставленной цели решается ряд задач:

- проанализировать повесть «Заповедник»; книги: «Блеск и нищета русской литературы», «Прогулки с Пушкиным», «В тени Гоголя», «Родная речь: уроки изящной словесности»; статью «Основные принципы эстетики В.В. Маяковского» и послесловие «Раскованный голос: к 75-летию А.Ахматовой»;
- на основе проведённого анализа выявить ключевые различия между способами интерпретации классической литературы выбранного круга авторов;
- систематизировать итоги проведённой работы, кратко изложив ключевые особенности и различия.

Стоит заметить, что изучение осмысления эмигрантами третьей волны классической литературы углубляет имеющиеся познания не только о литературной жизни русской эмиграции, но и об отечественном литературном процессе в целом. Кроме того, очевидно, что часть современных писателей, а также условия развития русской художественной словесности имеют некоторые сходства с русской эмиграцией 1970-х годов. Это, в свою очередь, обуславливает **актуальность** исследования.

Несмотря на то, что исследуемым писателям были посвящены крупные монографические работы (среди авторов: Т.Э. Ратькина, Н.М. Байбатырова, Е. Добренко, К. Таймер-Непомнящая, Э. Маркезенис и другие), тема интерпретации классической литературы А. Синявским, П. Вайлем – А. Генисом и С. Довлатовым остаётся не исследованной. Этот факт обеспечивает **научную новизну** работы.

Структура работы представляет собой Введение, Основную часть, Заключение и Список источников. Основная часть состоит из трёх глав. Первая глава посвящена анализу художественных, литературно-критических и публицистических текстов С. Довлатова, затрагивающих тему классической литературы. Вторая глава посвящена анализу книги П. Вайля и А. Гениса «Родная речь: уроки изящной словесности». Третья глава посвящена анализу ранних литературно-критических текстов А. Синявского и лагерных книг

«Прогулки с Пушкиным» и «В тени Гоголя». В Заключении подводятся итоги исследования, обозначаются его перспективы.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ. Глава 1. Классика глазами классика: С. Довлатов. В первой главе рассматриваются повесть С. Довлатова «Заповедник», а также сборник литературно-критических статей, эссе и устных выступлений писателя «Блеск и нищета русской литературы».

Яркая заинтересованность С. Довлатова литературой и русскими классиками, проступающая временами и в его художественных текстах, и в публицистике, – не что иное, как проявление в писателе природного филолога. И. Сухих во вступительной статье к сборнику «Блеск и нищета русской литературы» делает несколько важных замечаний об этой филологической природе. Литературовед отмечает, что С. Довлатов – филолог, но не по профессии. В его случае филология – дар.

Основанная на реальном опыте работы в пушкинском заповеднике, повесть «Заповедник» – один из наиболее метких примеров отношения С. Довлатова к русской литературной классике. Здесь, в коротких и экспрессивных диалогах о значении наследия А.С. Пушкина, писатель фактически использует метонимию, вкладывая в локальное явление представление о более масштабном явлении.

В повести С. Довлатов фактически озвучивает причины, сподвигнувшие А. Снявского написать его знаменитые «Прогулки с Пушкиным»: «Очевидно, любовь к Пушкину была здесь самой ходовой валютой»³, – говорит автор «Заповедника». Необходимо отметить, что все эти замечания носят в первую очередь публицистический характер. С. Довлатов как бы направляет читателя в сторону более глубоких размышлений о жизни и творчестве великого русского классика.

Продолжает свои рассуждения о русских классиках автор «Заповедника» в лекции «Блеск и нищета русской литературы». Из писателей золотого века особенно выделяет А.С. Пушкина, творчество которого С. Довлатов

³ Там же, С. 281

характеризует: «победой чистого эстетизма над общественно-политическими тенденциями проповедничества и морализаторства в литературе»⁴, а также А.П. Чехова, который, по мнению автора «Блеска и нищеты русской литературы», был первым за долгое время русским писателем, занимающимся исключительно литературой, не вмешиваясь в общественно-политическую деятельность.

В то же время, по мнению С. Довлатова, ряд писателей золотого века «стали жертвами своих неудержимых попыток выразить себя в общественно-политических и духовно-религиозных сферах деятельности»⁵. Автор «Блеска и нищеты русской литературы» помещает в этот ряд Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и И.С. Тургенева. И если в творчестве первых трёх авторов С. Довлатов находит различные достоинства, то интерес к творчеству И.С. Тургенева, по мнению автора «Блеска и нищеты русской литературы», определяется практической целью написать исследовательскую работу.

Главным критерием в оценке наследия становится соответствие эстетическим представлениям С. Довлатова. С этой же точки зрения рассматриваются и творчество А.И. Солженицына и И.А. Бродского. Автор «Блеска и нищеты русской литературы» хвалит И.А. Бродского за отстранённость от общественно-политической жизни и хулит А.И. Солженицына за обратное.

Ловко орудуя словами, С. Довлатов выстраивает ряд оппозиций писателей стихийных и писателей идейных. А.С. Пушкин и А.П. Чехов противопоставляются Н.В. Гоголю, И.С. Тургеневу, Ф.М. Достоевскому и Л.Н. Толстому, а А.И. Солженицын – И.А. Бродскому. Яркая публицистичность довлатовских высказываний приводит к выборочным выводам, он будто загоняет своих слушателей и читателей в лабиринт собственного восприятия

⁴ Там же, С. 99.

⁵ Довлатов, С. Блеск и нищета русской литературы: филологическая проза/сост., авт. вст. ст. И.Н. Сухих. СПб, 2013. С. 99.

реальности, выстраивает информационный пузырь, центром которого становится невозможность существования искусства в контексте общественно-политической жизни человечества.

С. Довлатов в ходе своих рассуждений позволяет себе обращаться к публицистическим методам преподнесения материалов. Он не перегружает читателя сложными околофилософскими размышлениями, а наоборот зачастую обращается к анекдотам, включая в свои работы элементы художественно-публицистических жанров журналистики.

Самая важная черта довлатовской литературы о литературе вовсе не попытки поиска победившего эстетизма, а его ориентированность на современность. Оттого С. Довлатов любит А.Д. Синявского и А.И. Солженицына, ждёт новых книг, новых литераторов и новых возможностей для существующих писателей.

С литературными классиками XIX века у С. Довлатова создаются несколько иные отношения. Невозможно сказать, что он воспринимает великих русских классиков равными себе. С. Довлатов чётко ощущает разницу в писательском мастерстве с ними. К одним он испытывает чувство уважения, других воспринимает как кумиров. С. Довлатов позволяет себе осуждать классиков за их внелитературную, внеэстетическую деятельность, но при этом справедливо оценивает их писательское мастерство.

Глава 2. П. Вайль – А. Генис: взгляд на классика. Во второй главе рассматривается книга П. Вайля и А. Гениса «Родная речь: уроки изящной словесности».

Написанная в 1989 году А. Генисом и П. Вайлем книга «Родная речь: уроки изящной словесности» – это, по меткому замечанию Андрея Синявского, «обновление речи, побуждающее читателя, да будь он семи пядей во лбу, заново перечесть всю школьную литературу»⁶. Структура «Родной речи...», по словам авторов, в значительной степени повторяет школьную программу. Вероятно, из-за этого утверждения многие читатели и исследователи

⁶ Вайль, П. Родная речь: уроки изящной словесности/ П. Вайль, А. Генис. – М., 2022. С. 7.

посчитали, что главная цель П. Вайля и А. Гениса – создать пародию на учебник. Однако это ошибочно. Цель авторов «Родной речи...» глубоко личная – переосмыслить произведения русской классической литературы, которые изучают в школе.

При внимательном чтении «Родной речи...» не создаётся ощущения постмодернистской игривости авторов второй половины двадцатого века. Несмотря на свободные размышления, П. Вайль и А. Генис не так часто обращаются к приёмам иронии и сарказма, а центонность, характерная для текстов постмодернистского направления, кажется, и вовсе отсутствует. В книге очевидна системность, которая организует все материалы о русских классиках. Вступая в полемику со школьной программой, П. Вайль и А. Генис следуют её хронологической структуре, рассматривая русских писателей одного за другим. При этом нельзя сказать, что главы «Родной речи...» организованы хронологическим способом схожим с типичным школьным учебником.

Конечно, несмотря на явное наличие множества методических подходов к изучению русской классики, П. Вайль и А. Генис не смешивают их грубо, а умело переплетают. Так, например, короткое замечание о словоподборе в духе русских формалистов может предшествовать размышлениям о психологизме персонажей. В то же время оба этих фрагмента лишь дополняют друг друга, не уменьшая роль первого или второго элемента полноценного анализа.

Благодаря сочетанию свободы мышления и методологического аппарата филологии, авторам «Родной речи...» удаётся органично переосмыслить не только саму русскую классическую литературу, но и особенности её преподавания в школе. П. Вайль и А. Генис откровенно говорят о недостатках школьной интерпретации некоторых текстов, но в то же время нередко рассматривают многие произведения в рамках уже имеющихся школьных концепций восприятия текстов.

Важно заметить, что авторы «Родной речи...» почти не ведут открытый диалог со школьной программой, а лишь предлагают свою точку зрения на вопросы, ею затрагиваемые. От этого полемика кажется не острой, а замечания

в сторону школьных интерпретаций выглядят скорее как рекомендации по актуализации школьной литературы. С одной стороны, многие размышления П. Вайля и А. Гениса идут вразрез с классическими представлениями отечественной педагогики, с другой же, они справедливо переводят основное внимание именно на литературу и на медленное, вдумчивое чтение, в ходе которого будут считываться все смысловые пласты произведений.

Таким образом книга «Родная речь: уроки изящной словесности» не просто переосмысляет историю русской классической литературы, предлагая более глубокие интерпретации текстов с точки зрения специалистов, непосредственно связанных с отечественной филологией, но и справедливо отмечают недостатки существовавшей школьной системы преподавания литературы.

Глава 3. Синявский – Терц: Русская классика в призме советского учёного и его альтер эго. В третьей главе рассматриваются литературно-критические тексты А. Синявского, написанные в СССР, а также две лагерных книги: «Прогулки с Пушкиным» и «В тени Гоголя». Для удобства анализа глава разделена на три раздела.

Советский Синявский. Среди плеяды критиков-шестидесятников, проявивших высокую активность в оттепельное время, особенно выделяется А.Д. Синявский. Окончив обучение в университете и защитив кандидатскую диссертацию, посвящённую роману М. Горького «Жизнь Клима Самгина», он активно работал и как критик, и как учёный-филолог. А. Синявский участвовал в качестве автора нескольких научных статей в литературных сборниках и в академических изданиях, публиковал критические тексты в литературных журналах.

Изучив тексты «Основные принципы эстетики В.В. Маяковского» и «Раскованный голос: к 75-летию Анны Ахматовой», можно сделать вывод, что, высказываясь в защиту двух неоднозначно оцениваемых поэтов, А. Синявский работает с темой защиты инаковости, которая будет так или иначе проявляться как в его литературно-критических работах, так и в художественных текстах. Кроме того, он защищает свободу писателей и искусства не только от контроля государства, но и от ограниченности интерпретации текстов. Стоит заметить,

что А. Снявский постепенно развивает в своих статьях тему свободного искусства, которая наиболее ярко зазвучит в его лагерной публицистике.

«Прогулки с Пушкиным». Написанные в Дубровлаге «Прогулки с Пушкиным» Снявского-Терца – очевидно, важная веха его литературно-публицистического творчества. Именно здесь окончательно формируется терцевский публицистический стиль.

А.Д. Снявский сформировал сложный, несколько сниженный образ Пушкина с помощью особенного языка, появившегося благодаря литературной маске Абрама Терца. В тексте прослеживаются частые вкрапления разговорной просторечной, жаргонной лексики, так, например, вместо «лица» Снявский-Терц пишет: «харя», конструируя образ поэта-«негра».

«Прогулки с Пушкиным» – масштабная по своему содержанию книга: несмотря на общую децентрализованность текста, главная тема в нём всё-таки присутствует, и это – Пушкин, во всех его поэтических и, что важно – человеческих проявлениях. Снявский-Терц видит наследие А.С. Пушкина лёгким, свободным, быстрым и прыгучим. Свобода искусства, найденная в пушкинских текстах, – это лейтмотив не только «Прогулок с Пушкиным», но и всей литературной, литературно-критической и публицистической деятельности Снявского-Терца. Свободное искусство позже проявит себя в найденной в А.С. Пушкине пустоте, однако эта пустота так же и способ игры с читателем – проверка на знание гегелевской теории. Снявский-Терц использует подобный метод игры с читателем на протяжении всей книги.

«В тени Гоголя». Лагерная публицистика Снявского-Терца не заканчивается на «Прогулках с Пушкиным». В тех же условиях, что и «Прогулки...», А. Снявский написал не менее важное исследование о другом великом русском писателе – Н.В. Гоголе.

Терц-Снявский во многом сохраняет здесь выработанный в «Прогулках...» инструментарий для анализа творчества писателя. Образ Н.В. Гоголя снижается, порицается за нестабильность, в некоторой степени даже высмеивается. Иногда автор «В тени Гоголя» позволяет себе и оскорбить гоголевских героев. Так, например, Чичиков становится фактически безличной

«скотобазой». Так же, как и в Пушкине, Синявский-Терц находит в Гоголе пустоту, ничто, свойственное чистому искусству. Иногда происходит точечное нахождение этой концепции в отдельных персонажах Гоголя.

Синявского-Терца возмущают несколько утилитарные взгляды Н. Гоголя на красоту и искусство. Вообще важное место в книге занимает столкновение Синявским-Терцем двух противоречащих аспектов гоголевского наследия: свободы и практического применения искусства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. В ходе работы с текстами А. Синявского, С. Довлатова, П. Вайля и А. Гениса становится очевидной важная роль, которую играет классическая литература в их творчестве. Великие русские писатели предстают в интерпретациях избранных авторов не только как предмет исследования, но и как близкие друзья, к которым можно относиться с уважением и любовью, не избегая при этом их недостатков.

Для читателя очевидна взаимосвязь различных мыслей выбранного круга авторов относительно наследия писателей-классиков. Видна и схожесть в подходе к анализу. Все они смешивают в разных пропорциях филологическую методологию и публицистические выпады. Однако у каждого из авторов есть индивидуальные особенности. А. Синявский постепенно приходит к созданию альтер эго, за чьим авторством выходят более смелые и грубые работы, имеющие очевидные языковые особенности. С. Довлатов обращается к журналистскому опыту и сочетает в своих работах жанры очерка, фельетона и анекдота с жанром литературно-критической статьи или публичной лекции. П. Вайль и А. Генис, в свою очередь, открывают для читателей глубоко интимный, по их мнению, момент переосмысления русской классики двумя близкими друзьями, создавая из диалога друг с другом фактически монолог, сливаясь в неразделимый голос.

В перспективе возможно рассмотреть не только влияние классических текстов на творчество всех исследуемых авторов в индивидуальном порядке, но и сопоставить способы интерпретации классических текстов литераторами-эмигрантами, составляющими группу, противоположную по эстетическим воззрениям. Такой подход не только более полно отразит картину рефлексии по

поводу классической литературы в среде эмигрантов третьей волны, но и позволит провести чёткие границы в эстетических и методологических особенностях между обозначенными авторами.

Совершенно ясно одно: осмысление классической литературы – неизменно важный аспект отечественного литературного процесса, в особенности в эмигрантской среде, где такого рода контакт с родной культурой обеспечивает своеобразную психологическую защиту от чувства покинутости, одиночества и оставленности в совершенно чужом мире. Однако именно эти порывы возвращения к отечественной классике позволяют творцам дополнять историко-литературную базу знаний меткими и совершенно неожиданными наблюдениями и замечаниями, важными для русского литературного процесса.